

ДВА ВЕЧЕРА

Вся Советская страна отметила шестидесятилетие со дня рождения В. В. Маяковского. Литературные вечера состоялись в городах и селах, они были устроены писательскими организациями, школами культуры, клубами, библиотеками. В Москве по случаю юбилея Маяковского в театре имени Маяковского состоялось торжественное заседание. Вступительное слово о творчестве В. В. Маяковского сделал В. Перцов. Многолюдным был вечер и в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха имени М. Горького, проходивший под председательством А. Суркова. На этом вечере слово о Маяковском произнес Л. Якушин.

Эти вечера были подлинным праздником многонациональной советской поэзии. Со всей страны съехались в Москву поэты, чтобы сказать о том, как много сделал для родной культуры лучший, талантлившийший поэт нашей советской эпохи.

— Каждое поколение открывало для себя Маяковского по-своему, — говорила О. Берггольд. — Мы, поэты, учились жить и трудиться «по-Маяковскому». Он был с нами в тридцатых годах, шагнул в сороковые. Он жил с нами в осажденном Ленинграде, в блокаде все 900 дней героической борьбы города. Как победитель, вошел Маяковский в пятидесятые годы, в наши дни. Какой длинный, трудный путь прошел он с нами!

А. Пидусха заявил, что поэты Украины, как и все поэты мира, учатся у Маяковского служить своим искусством Родине.

О любви узбекского народа к Маяковскому говорил Гафур Гулям. Могучий голос великого поэта запечатлен и в сердце грузинского народа, сказал С. Чиквани. Каждый, кому дорога боевая и пламенная советская поэзия, каждый, кто видит истинное призвание поэта в служении народу, в борьбе за торжество коммунизма, славит имя Владимира Маяковского. На русском, белорусском, литовском, узбекском и аварском языках прозвучали на этих вечерах стихи Маяковского. В честь его читали свои стихи поэты Украины, Азербайджана, Армении, Таджикистана, Туркмени, Татарии, Абхазии.

Мы гордимся, что голос ваш слышится в наших стихах, Это ваша поэзия — честная и боевая, Мы выходим на сцену. Мы на разных поем языках, Вас на всех языках заповедной своим называем.

Так закончил свое стихотворение таджикский поэт Мирзо Турсун-заде. На трибуну Колонного зала и Зеленого театра выходили поэты, чтобы рассказать о том, как дороги им поэтические традиции Маяковского. Н. Асеев, А. Безыменский, М. Луконин, С. Кирсанов, В. Саянов, Н. Доризо, А. Кулешов, С. Бургул, Р. Раа, Т. Тильяев, Г. Гулям, Г. Эмин, Р. Гамзатов, К. Сейтбаев, А. Фаиз, И. Тарба выступали со стихами и речами о Маяковском, с чтением переводов его произведений на родные языки. Их выступления выглядели демонстрацией дружбы советских литератур.

О новаторском значении поэзии Маяковского, о его влиянии на прогрессивных поэтов мира рассказывали иностранные гости, присутствовавшие на вечере в Колонном зале. — С какой огромной симпатией и чувством писал Маяковский о китайском народе! — вспоминал Эми Сю. — Его мощный голос доносился до кантонских кули и пекинских рикшей. Освобожденный Китай читает произведения Маяковского на родном языке, считает его своим поэтом.

Вилли Бредель говорил о том, как широко отмечаются дни Маяковского в Германской Демократической Республике, где издано много томов произведений поэта. Маяковский стал самым любимым советским поэтом немецкой демократической молодежи, ее товарищем и боевым соратником. С. Каролен в примере творчества современных болгарских писателей показал, как учатся они у Маяковского утверждать новую жизнь, бороться с силами, враждебными этой жизни, создавать партийную народную поэзию. Дж. Джермането говорил о любви итальянской молодежи к Маяковскому, чей вечный живой и сильный голос зовет людей к борьбе.

Участники вечеров тепло приветствовали сестру поэта Л. В. Маяковскую. От имени советских читателей и писателей послана приветственная телеграмма матери поэта Александры Алексеевны Маяковской.

Оба вечера закончились концертами, в которых были исполнены произведения великого поэта.

РЕЦЕНЗИИ НА ВЕЩИ

Плохая гарантия

В нашей деревне нет радиоприемника. Поэтому мы очень обрадовались, когда в раймагazine продали радиоприемник «Тула».

«Тула» — двухламповый приемник прямого усиления, предназначенный для приема местных радиостанций длинноволнового и средневолнового диапазонов. Приемник питается от сухих гальванических батарей, — так говорится о нем в техническом паспорте.

Приемник «Тула» — хороший приемник. Он невелик по размеру, внешне неплохо оформлен, мощность звука такая, что, когда раскрыты окна в доме, отчетливо слышно каждое слово даже на противоположной стороне улицы. И по цене он самый подходящий.

Но очень обидно, что такие удобные приемники у нас в деревне в большинстве уже молчат. Молчит «Тула» у лесника Т. Ф. Паши.

Молчит у колхозника С. С. Калетова. Молчат приемники и у других жителей. Молчат потому, что отслужили свой срок лампы и батарей, а купить новые лампы и батарей негде.

По паспорту действие лампы и батарей рассчитано только на полгода. Но я думаю, что полгода — плохая гарантия для хорошего приемника. Просто нерасчетливо обречь на выброс такую крайне нужную и вдобавок к тому же, повторяю, добротную вещь.

Когда у нас в хозяйстве ломается, скажем, черенок вил, мы не выбрасываем вилы в мусор. Мы берем запасной черенок и пересаживаем на него старые вилы. А разве завод-изготовитель не может выпускать для каждого приемника по одному, а то и по два комплекта запасных ламп, а торгующие организации — укомплектовывать его запасными батареями?

Хорошо было бы также продавать вместе с приемником и весь необходимый к нему приклад. А то купив приемник и начав искать антенну, фарфоровые ролики и прочие мелочи, которые в наших сельских магазинах, кстати сказать, редко бывают.

Радио — самая первостепенная вещь культурного обихода колхозника. Мы хотим знать самые свежие новости о событиях в стране и за рубежом, хотим слушать музыку, хорошие лекции. Пусть заводы, изготавливающие радиоприемники для села, а вместе с ними и торгующие организации учтут наши запросы.

В. НУКИН, животновод колхоза «Серп и молот» деревни МОЛГАЧИ, Ново-Буянского района, Куйбышевской области

Только не для нервных...

Ладожское озеро в осеннюю пору. Сильный штормовой ветер высоко поднимает бушующие волны. Говорят, что даже людей небойкого десятка при одном только взгляде на такую мрачную панораму охватывает чувство беспокойства и тревоги.

Состояние это становится еще более понятным, если учесть, что панорама эта украшает конвертики, скрывающие в себе безопасные лезвия «Ладогов».

Лезвия «Ладогов» были бы справедливо назвать опасными. Они вызывают раздражение кожи, попросту говоря — дерут...

Качеством лезвий «Ладогов» доволен потребитель. Но к многочисленным жалобам на Ленинградском заводе металлоизделий относятся несколько своеобразно. Их просто не признают, на них не отвечают. В тех случаях, когда жалобник настойчив, ему доказывают, что во всем виноват он сам.

Мы решили лично побеседовать с одним из работников завода.

Нет ничего удивительного в том, что Толя страстно и нетерпеливо мечтал о горячем коне, которого можно поить «ключевыми» (из водопада) водой и на котором, к зависти и восхищению всех ребят детского сада, можно скакать, размахивая всамделишной деревянной саблей. И так как Толя еще не умел скрывать своих желаний, а папа был добрый и очень любил сына, то 10 июля, когда Толя исполнилось четыре года, папа вернулся вечером с работы с громадным свертком.

Он поставил сверток на пол и начал разворачивать бумагу. Рассматривая обертку, и перед замешком от восторга Толя оказался... конем!

Конь в уздечке, нагнувший голову, разбросавший в прыжке ноги на кафель... Толя оглянулся на маму, ожидая увидеть восхищение на ее лице. Но мамин лик был таким, словно опять оказалась порванными штанишки, только не толины, а палины...

— Что это такое? — голосом, убивающим восторг, спросила мама. — Как что? Лошадь. Обыкновенная лошадь на кафельке... весело провозглашал папа.

— Обыкновенная? А почему она голубая? — Голубая? — папа поспешно снял очки и протер их. — Нет, почему же голубая, я же сказал, что она скорее синяя... Помнишь, в Батуны нам показывали голубого буйвола?

— По-моему, он был просто грязный! — отрезала мама. — А что это — голова и хвост?

На нее лошади лежала аккуратная гладкая колбаска сизо-черного цвета и такая же колбаска свешивалась сзади с хвоста.

— Не придирайся, пожалуйста, — начиная раздражаться, ответил папа. — Обязательно тебе нужны настоящие, из волоса... Может быть, ты еще хочешь, чтобы она была покрыта шерстью?

— А из чего она сделана? — Кажется, это пальце-маше. Это специально приготовленная бумажная масса... И что ты от меня хочешь? Не я же ее делаю, это лошади!

Мама и папа продолжали спорить. А когда выяснилось, что голубая лошадь стоит сто рублей, окончательно поссорились. Толя было не до этого. Он переживал первые восторги обладания скакуном, и ему решительно все в нем нравилось, даже уздечка из коричневой ботиночной тесемки.

Товарищи!

к вещам пером прицелься, критикуй поэмы, рецензируй басни. Но слушай окрик: «Даешь рецензии на произведения сапожной и колбасной!» В. МАЯКОВСКИЙ

Видите ли, есть несколько причин. Многие зависят от того, какая кожа у потребителя — крепкая или слабая. Многие зависят от того, как растет волос, в каком направлении — в одном или нескольких. А главное — это нервы. Дело в том, что некоторые потребители «Ладогов» нервничают, а стоит человеку повернуть, как рука у него дрожит, а от этого и лино в порезах.

— Почему же, Борис Дмитриевич, — допытывались мы, — в Ленинграде никто не желает покупать ваших лезвий?

— Это понятно, — объяснял тов. Соболев. — В городе у брежневских кожан более нежная, а вот, знаете, в глубинных районах и на Крайнем Севере «Ладогов» берут хорошо.

Нам кажется, происходит это все-таки совсем не потому, что в глубинных районах воспеваются качества «Ладогов», а по совсем иной причине: других лезвий туда не завозят.

«Авторы» лезвий «Ладогов» являются не только директором завода тов. Соболев. У него есть соратники: главный инженер тов. Княуб и начальник ОТК тов. Киперная. Их дружными стараниями только за шесть месяцев этого года завод выпустил около 20 миллионов лезвий «Ладогов».

М. ЛЕВИТИН

ЛЕНИНГРАД

Пятнадцать счастливых

Жара... В такой денек поменьше добрым словом ма-тушку-зиму и задумаешься над тем, как победить предгрозовую духоту, как наполнить квартиру свежим, прохладным воздухом. Нужен вентилятор!

Да, нужен обычный вентилятор, нехитрое изобретение, выдержавшее множество самых различных изданий. Советуем приобрести вот такой:

Электрический вентилятор типа ВЭ-1. Выпуск Харьковского электромеханического завода имени Сталина (директор А. Якунин, главный инженер Н. Борисенко).

В инструкции по эксплуатации вентилятора сказано, что он состоит из стойки с основанием, однофазного асинхронного электродвигателя переменного тока типа МАИ-4 с укрепленной на валу крылатой и кожуха электродвигателя.

К технической характеристике необходимо прибавить ряд существенных достоинств этого вентилятора.

1. Вентилятор ВЭ-1, охлаждающий воздух, рассеивает его не в одном направлении, а по всей комнате.

2. Вентилятор ВЭ-1 безопасен: крылья его сделаны из резины.

3. Вентилятор ВЭ-1 экономичен: мощность его составляет 55 ватт. Если, скажем, вентилятор проработает 10 часов, то расход электроэнергии в переводе на деньги составит не несколько копеек.

4. Вентилятор ВЭ-1 красив. Он украшает в равной степени и квартиру и служебный кабинет.

На этом можно было бы закончить короткий рассказ о хорошем вентиляторе. Но тогда читатель остался бы в недоумении: почему заметка называется «Пятнадцать счастливых»?

Пятнадцать счастливых — это граждане, которым очень повезло. Они приобрели вентилятор ВЭ-1 в магазине № 1 Главэлектрооборудования, что находится на Кировской улице в Москве.

Да, как ни горючили, но вместо запланированных на второй квартал 600 вентиляторов этот магазин за полугодие получил всего пятнадцать штук! К сожалению, и в других магазинах этих вентиляторов нет.

Харьковский электромеханический завод создал хорошие вентиляторы, но выпускает их неспешно и в малом количестве.

В. КАГАРЛИЦКИЙ

ИЗ СТИХОВ О МАЯКОВСКОМ

Максим ТАНК

Встреча

Это в иррациональные дни в Белоруссии Западной было. Глушь, предместье, уже и закат померкнет, И газетчик прятал с небывалой силой: — Коммунист-повстанца... сегодня... расстрел.

О герое что мог я узнать из газет? Только имя и день, когда ранен был он, Что с оружием найдены строки поэта, Маяковского строки, — он был в них влюблен.

Так я встретил поэта... Хотя ни строфы я не читал и в глаза не видел до того, Сразу понял: коль храбрые люди такие И на смерть отправляются с песней его,

Значит, песни поэта — оружие народа И победа в борьбе, и подмога в пути, Значит, я в бесконечных боях за свободу

Должен их повстречать и узнать, я найду. Разметав заграждения законов жестоких, Маяковский шагнул к нам — жандармам на страх.

Я поэта встречал громадными строки И в крестьянской избе, и в рабочих домах.

Я их видел всегда на багряных знаменах, Я читал их на тусклой тюремной стене, Пел, шагая не раз в первомайских колоннах,

Потому и вошли они в сердце ко мне... Так впервые я встретил бойца и поэта, Что прокладывал в завтра прямые пути,

Что помог нам пройти от неволи к победам, И сейчас помогает нам жить и расти.

Перевод с белорусского

Николай ДОРИЗО

В дороге

В тишине уснувшего вагона У меня спросил старик-сосед: — Кто вы по профессии? Смушечно

Я молчал — признаться или нет? Мне казалось: назовусь поэтом, Будто являю целую чужую, Ни по книгам и ни по газетам Вдруг меня не знает спутник мой.

— Ваша как фамилия? Он сразу спросит оживленно. А потом: — Как? Признаться, не встречал ни разу.

С прозой как-то больше я знаком... В этот вечер (да простит мне муза Ложь необходимую) я назвал себя студентом вуза, С грустью скрыл профессию свою.

Скрыл и зубы стиснул от обиды, Подмигивало мне другой ответ: Я ведь не сказал бы: знаменитый,

Я б ответил скромно: — Я поэт. Как могу, тружусь в литературе. Ведь сосед не агроном, — он агроном, Хоть с его и славою не знаком, Агроном, — а тоже не Мичурин!

На вагонной полке полно спит. Долго говорили мы впопыхах, — Я, робко, о сортах пшеницы, Он — о Маяковском, о стихах. Моего любимого поэта Нанзусь всю ночь он мне читал, Волновался, требовал похвал, — Будто сам он сочинил все это!

Мы с ним вышли на перрон московский, Долго я глядел соседу вслед. Мне бы так писать, как Маяковский, Чтоб ответить скромно: — Я поэт.

Николай АСЕЕВ

Маяковскому

Драгоценный наш друг, Володя! Ты смыслил себе по праву уважение во всем народе, Молодую всемирную славу!

Как-то странно, что я прикасался к Вашей теплой, большой руке, что в одной с Вами поездке мчался, об одной толковал строке.

Хорошо, что были Вы живы, громоздучи, смелый, большой, никогда не бывали лживы, никогда не кривили душой.

С Вами весело было смеяться, с Вами неба — синей синева, с Вами нечего было бояться отставать или унывать.

Сколько с Вами строф понаписано, — поспевая лишь рифмы строгать; как умели Вы ненавязчиво похвалить или разругать!

Говорят, что строка Ваша — лестница, научают отдельные части, а ведь прежде всего она — вестница человеческого счастья!

Удаляются строю и ладу, восторгаются: Златоуст! А ведь главное — широта Вашего взгляда, громада Ваших чувств.

Нет, не только событий отклик, понимаемый кос-как, — ежедневный творческий подвиг был Ваш путь в века.

Вы не только жизни посвятили грозным схваткам со старинной, но и первым Вы ошугали коммунизма, как свой дом родной! Потому-то снова и снова Вы — на вышке сторожевой, воплощенный не в мрамор, а в слово, неуемный, жаркий, живой!

Перевод с таджикского С. Липкин

Ростислав БРАТУНЬ

Старший брат

Его читали комсомольцы В подполье, в злой ночи. Стихи прозвучали тьме, как солнце, Щедры и горячи.

Парням и девушкам казалось: Он рядком — старший брат. И будущее прояснилось — Небоязливый сад.

Стихи вселяли веру — хвалят Решимости у нас, С бедняцкой ины снать заклятье, Приблизить волн час:

Чтоб в революционном Львовке, Где твоя горит в ночи, Тучишь за счет рабочей крови Не смеяла богачи.

Он озарил дорогу и завтра

Негаснущим стихом. Частицей солнца слово правды Входило в каждый дом.

Его поэм живые ритмы Несли народу весть — Великий брат освободит нас, Земле спасенной цесть.

Навеки явью стало это. Конец пришел панам. Мы — граждане Страны Советов.

Весь мир, завидуй нам!

Перевод с украинского Я. ХЕЛЕМСКИЙ

Разговор с товарищем Маяковским

Владимир Владимирович! Как хорошо в нашей стране счастливо жить и бороться, любить возмуженно и красиво.

В Москве поднялся во весь рост дворец науки — красавец-красавец. Ночью глядишь, я, кажется, звезд он своею звездою касается...

Вокруг Ленинграда — колыбель сады. И все для народа это. Такое счастье быть молодым! — Невольно станешь поэтом.

Владимир Владимирович, выслушайте, очень прому. Хочу поэтом быть не просто я. Пробую. Мучаюсь. Пишу.

Душу граню и чувства наставляю. Милостей ни от кого не жду. Часто брожу в холодных рассветах, роюсь в словах, бормочу, как в бреду...

Слова!.. Они со вкусом, запашком, певучестью... И нужно их так сочетать уметь,

такой накал давать им от сердца, чтоб видел в них враг свою верную смерть, а друг мог в стужу от них бы согреться.

Пока еще часто сжимаются мной стихи, рожденные в ночи бессонные. Но снова и снова — строку за строкой пишу слова прямые, весомые.

В любой неудаче, в любой беде, интересней живется и легче дышится, когда ощущаешь, как изо дня в день растут и крепнут поэтические мышцы.

Я самый что ни на есть рядовой в переносе тыщиной начинающих. Радостно видеть, что рядом с тобой пробуют силы свои товарищи.

Мы помним Вашу веру-наказ. Мир нам не узок, — не тесен. — При коммунизме будет у нас много хороших стихов и песен!

Вячеслав КУЗНЕЦОВ

ЛЕНИНГРАД

Великому современнику

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Маяковский, вы — рядом. Мы с вами идете вперед, Вместе с нами вы любите и ненавидите с нами.

На пути, по которому твердо шагает народ, Вижу вас, — знаменосца, подымавший поэзия знамя.

Вечно молодо слово, история слова — стара. На страницах ее столько звуков, и красок, и света. Повелители слов, мастера, властелины пера —

Те, чьи перья горят отражением сердца поэта. Но владельцы пера становились купцами порой,

Торговали цветами-словами, гонясь за наживой. Наш Восток, полный рабства, и слез, и нужды вековой, Превращался в чудесный цестник их поэзией живой.

Вы вручили стране вдохновенных стихов правоту, В штык перо превратили, в оружие — силу созвучий.

Как советский солдат, ваше слово стоит на посту, Слово молот кузнечный, стихи горячи и могучи.

Мы гордимся, что голос ваш слышится в наших стихах, Это ваша поэзия — честная и боевая. Мы выходим на сцену. Мы на разных поем языках, Вас на всех языках заповедной своим называем.

Перевод с таджикского С. Липкин

ТОВАРИЩ ПО ОРУЖИЮ

Руку
на долгую дружбу дай,
сотнемиллионный рабочий Китай!
Давайте, китайцы, вместе с Китаем
с империалистами
счета свикать.

В. МАЯКОВСКИЙ

Сопоставляя поэзию с прозой, легко убедиться, что вследствие специфических особенностей поэтического творчества поэту всегда труднее, чем прозаику, быть услышанным за пределами своей родины. Маяковский, однако, является исключением. Его влияние на китайскую общественность, как и на революционную литературу во всем мире и на революционное движение, превзошло влияние любого поэта любой страны в мировой истории. Причиной этого является не только новизна его поэтического стиля, но прежде всего то, что он вложил в свои стихи высокие идеалы Коммунистической партии, идеалы Ленина и Сталина.

Голос Маяковского велел за ураганом Великой Октябрьской революции перепахнуть границы России, пронесся по всему миру, пробуждая отклик в сердцах трудящихся, зажигая надежду и выковывая могучую боевую силу.

Сегодня слово Маяковского на устах миллионов.

На всей планете,
товарищи люди,
объявите:
войны не будет!

Это справедливый великий призыв. В таких стихах Маяковского нельзя подходить к общей оценке. Такие стихи волнуют сердца всех честных и справедливых людей на земле.

Пронесения советского поэта хорошо охарактеризованы в стихотворении Го Можо, написанном им после посещения Дома-музея Маяковского в Москве.

Поэт революции,
Великий сын «атакующего класса»,
Китайцы давно знают твое имя,
Твой голос,

как буря,
пронесся через Центральную Азию,
Никакие
горы, пустыни, моря не смогли
воспротивиться тебе!

В главе «О новых писателях рабоче-крестьянской России», написанной выдающимся публицистом и критиком Цюй Цю-бо в 1923 году для книги очерков по истории русской литературы профессора Чжан Чжэн-до, автор указывает, что Маяковский принял революцию, как жизнь, дышал революцией — революция была неотъемлемой частью его ежедневного существования.

Китайский народ всегда видел в слуге, талантливом поэте советской эпохи прежде всего революционера, певца борьбы, искреннего и родного товарища по оружию. С горячим участием Маяковский относился к китайскому народу, на протяжении столетий угнетенному империализмом и феодализмом. Маяковский вместе с китайским народом боролся за освобождение Китая.

Когда в 1924 году в Советском Союзе было создано общество «Гуянь прочь от Китая», Маяковский опубликовал в газете «Известия» стихотворение «Прочь руки от Китая!». В нем он восклицает:

Пираты мира,
прочь
руки от Китая!
Мы с вами, китайцы!

21 марта 1927 года Маяковский выступил на собрании рабочих в Ярославле с чтением своих стихов. В этот момент пришло известие о взятии Шанхая революционными войсками и рабочими отрядами.

— Товарищи!
Рабочими

и войсками Кантона
взят
Шанхай!...
Рукоплещи, ярославец,
маслобой и текстильщик
незнаемым
и родным
китайским кули

— писал потом поэт в своем стихотворении «Лучший стих».

В годы, когда империалистические бандиты издевались над китайским народом, Маяковский за тысячи ли протянул китайскому народу руку сочувствия и помощи. Китайский народ высоко оценил эту глубокую революционную солидарность. Сейчас, когда китайский народ под мудрым руководством Коммунистической партии, под руководством товарища Мао Цзэ-дуня изгнал империалистических бандитов, изгнанных в Китае десятки лет, сверг реакционный строй и успешно строит новую жизнь, мы особенно чтим память нашего друга, помогавшего нам в трудное время.

Китайский народ всегда проявлял высокое уважение к своим товарищам и соратникам. В книге «Впечатления о красной столице» указывается, что Цюй Цю-бо посетил Маяковского 32 года тому назад, в феврале 1921 года. 10 июня того же года в журнале «Восток» была опубликована короткая статья о новых стихах в России, которая знакомила китайцев с Маяковским. С тех пор прошло свыше 30 лет. За эти годы, невзирая на трудности, которые представляли стихи Маяковского для перевода, невзирая на старания реакционного режима, длительное время господствовавшего в Китае, воспринимать знакомство китайцев с советской литературой, в Китае были изданы «Во весь голос», «Облако в штанах» (отрывки), «Владимир Ильич Ленин», «Стихи детям», «Избранные стихи Маяковского», «Биография Маяковского» и несколько сборников статей, посвященных творчеству поэта. Шедевр Маяковского — поэма «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо», «Во весь голос» и стихи «Левый марш», «Стихи о советском паспорте», «Наш марш», «Прощедавшиеся», «Прочь руки от Китая», «Лучший стих» и другие переведены на китайский язык, а многие из них имеют по несколько переводов.

Эти стихи стали любимыми стихами широкого круга китайских читателей и постоянно декламируются на различных вечерах и собраниях. Они вдохновляют китайский народ на победоносное движение вперед.

В стихах, поемах наиболее видных китайских писателей Цюй Цю-бо, Го Можо, Эми Сюа, Го Бао-цзяня, Лю Бай-яня, Тянь Цзиня живет Маяковский сегодня. Влияние Маяковского, однако, отражалось не только на творчестве этих авторов. На протяжении всей своей длительной жестокой борьбы китайский народ слышал вдохновляющий голос поэта: «Мы с вами, китайцы!» Илья Эренбург на Всекитайской конференции Общества китайско-советской дружбы, состоявшейся в зале Хуайжэнь в Пекине 5 октября 1951 года, говорил, что в восточных республиках Советского Союза существует поговорка: «Плохой друг подобен тени, он с тобой только тогда, когда на небе сияет солнце». Дружба между нашими народами, продолжал И. Эренбург, может выдержать долгие годы испытаний. Мы будем вместе и тогда, когда на небе сияет солнце, и если небо заволокут мрачные тучи, и в горе и в радости мы всегда будем вместе.

Мы уверены, что, как ни стараются враги, им не заглушить мощный зов великого поэта:

На всей планете,
товарищи люди,
объявите:
войны не будет!

ЦАО ЦЗИН-ХУА,
профессор, китайский писатель,
ПЕКИН, 20 июля. (По телеграфу).

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПРОВОКАЦИОННОЙ ЗАТЕИ

Фотоснимок, опубликованный американской газетой «Нью-Йорк таймс» 14 августа 1951 года. Это фото «ретенции» пропагандистской диверсии против Чехословакии газета сопроводила следующей подписью: «Мягкий ветер уносит вывески эти воздушные шары из Чехословакии на территорию Чехословакии. В этот момент шары из Чехословакии на территории Чехословакии».

День, от которого становится действительность американских шпионско-диверсионных центров в Западной Германии. Организаторы берлинской провокации 17 июня, не скупясь, постигшим их провалом, готовили новые авантюры. Как сообщила вчера «Правда», фашистские диверсанты начали так называемую «пропагандистскую операцию» против Чехословакии. На территории Чехословакии посылались в огромном количестве воздушные шары с гнусными клеветническими листовками. Подобная «операция» предпринимается не в первый раз. Еще в 1951 году американская газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала фотоснимок «ретенции» этой пропагандистской диверсии против Чехословакии (см. фотоснимок). В тексте под снимком говорилось, что «ретенция» была проведена на «опытном поле» близ города Миннеаполиса (штат Миннесота, США) и что объектом настоящей «операции» должна стать Чехословакия.

«Операция» эта состоялась 13 августа 1951 года. На следующий день, 14 августа, «Нью-Йорк таймс» вместе с фотографией поместила сообщение из Миннеаполиса о состоявшейся «операции». Из «некоего пункта в юго-восточной Германии, близ чехословацкой границы», писала газета, было выпущено 2 000 воздушных шаров с двумя миллионами пропагандистских листовок.

Американская печать, как мы видим, даже не пытается скрывать, кем организованы провокационные вылазки с воздушными шарами против стран народной демократии. О вылазках «пропагандистской операции» с воздушными шарами подробно рассказывал, например, монхенская радиостанция «Свободная Европа», которая содержится на американские средства.

Газета «Нью-Йорк таймс», сообщая об

«операции с воздушными шарами» против Чехословакии, состоявшейся в 1951 году, писала: «Президент Пенсильванского университета и руководитель кампании 1951 года по сбору средств на радиостанцию «Свободная Европа» Гарольд Стассен * наблюдал за тем, как эти шары были выпущены в воздух из некоего пункта в юго-восточной Германии, близ чехословацкой границы».

Такова история провокационной затеи с воздушными шарами.

Старания мастеров диверсий и провокаций терпят полный провал. Население Чехословакии с возмущением отнеслось к новому пропагандистско-диверсионному трюку западноевропейских агентов американских империалистов. Как и в 1951 году, провокационная затея с воздушными шарами провалилась, как мыльный пузырь.

* Гарольд Стассен ныне занимает пост руководителя так называемого Управления взаимного обеспечения безопасности США.

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Датская буржуазная газета «Аftenbladet» 22 июня этого года поместила сообщение, которое мы приводим полностью: «ПИРАТСКИЙ ФЛАГ СНОВА РАЗВЕВАЕТСЯ В ГЕРМАНИИ. Открыт памятник эсэсовцам».

ГЕППИНГЕН, понедельник. (Ассошиэйтед Пресс). Впервые после окончания последней войны здесь состоялось открытие памятника лавице эсэсовцев — отборным войскам Гитлера, вызвавшим ужас и в годы войны севшим смерть и террор в Европе. Открытие памятника имело место в Гейпингене в присутствии 2 000 бывших эсэсовцев, в том числе трех генералов.

Над памятником был поднят черный флаг с изображением белого корабля викингов — эмблемой дивизии «Викинг». Бывший командир дивизии генерал Герберт Гилле присутствовал при этом и заявил в своей речи о

Aftenbladet Piraflaget vajer atter i Tyskland

Minde marker for SS afsløret

«Aftenbladet» mandag (A.P.) For første gang siden anden verdenskrig har et af de mindst 2000 af de tidligere medlemmer af SS — Hitlers frivillige hær, der i dagene er blevet sendt til fangelejre i Europa, været til stede ved et åbent minde marker for SS i Geypingen i Tyskland. Der blev rejst et monument over de tidligere medlemmer af SS, der havde været med til at gøre det muligt for Hitler at vinde krigen. Monumentet blev rejst af de tidligere medlemmer af SS, der havde været med til at gøre det muligt for Hitler at vinde krigen. Monumentet blev rejst af de tidligere medlemmer af SS, der havde været med til at gøre det muligt for Hitler at vinde krigen.

Лояльности по отношению к западно-германскому правительству и европейской армии.

Комментарии излишни!

Ужарты Польши

Завтра, 22 июля, польский народ девятый раз отмечает свой национальный праздник — День возрождения и первую годовщину Конституции Польской Народной Республики. О преобразовании в свободную Польшу рассказывает в своем очерке польский писатель лауреат Государственной премии Марьян Брандис.

Передо мной — карта Польши. На этом многоокрашенном квадрате бумаги — образ моей родины в миниатюре. Светлой лазурью обозначены воды Балтийского моря, а также Мазурских и Кашубских озер. Сочную зелень низин прорезывают изгибы рек. Золотятся равнины и плоскогорья. Подальше переходит в югу в бурные потоки высоких гор Татр и Бескидов. Между черными кружками городов протянулись красные нити дорог.

Моя родина! Собственными ногами я изжил ее роль и поперек и хорошо знаю каждый ее уголок. Прелесть ее рек, озер, лесов и гор я узнал во время своих детских летних походов. В большинстве ее городов я побывал значительно позднее, когда, как безработный студент Варшавского университета, скитался по стране в поисках работы. Бесчисленные километры ее дорог я вымерил затруженными солдатскими ногами в 1939 году.

По всю красоту родины я познал лишь в годы ее свободы и мирной жизни, странствуя по дорогам шестилетнего плана. Новая, победоносная красота! Прекрасные рабочие города, возникшие на путях, мощные электростанции и огромные комбинаты, ослепляющие преобразившие экономику и общественную структуру Польши, жилищные села, затепленные электрическим светом, радость просвещения, ставшего достоянием всего народа.

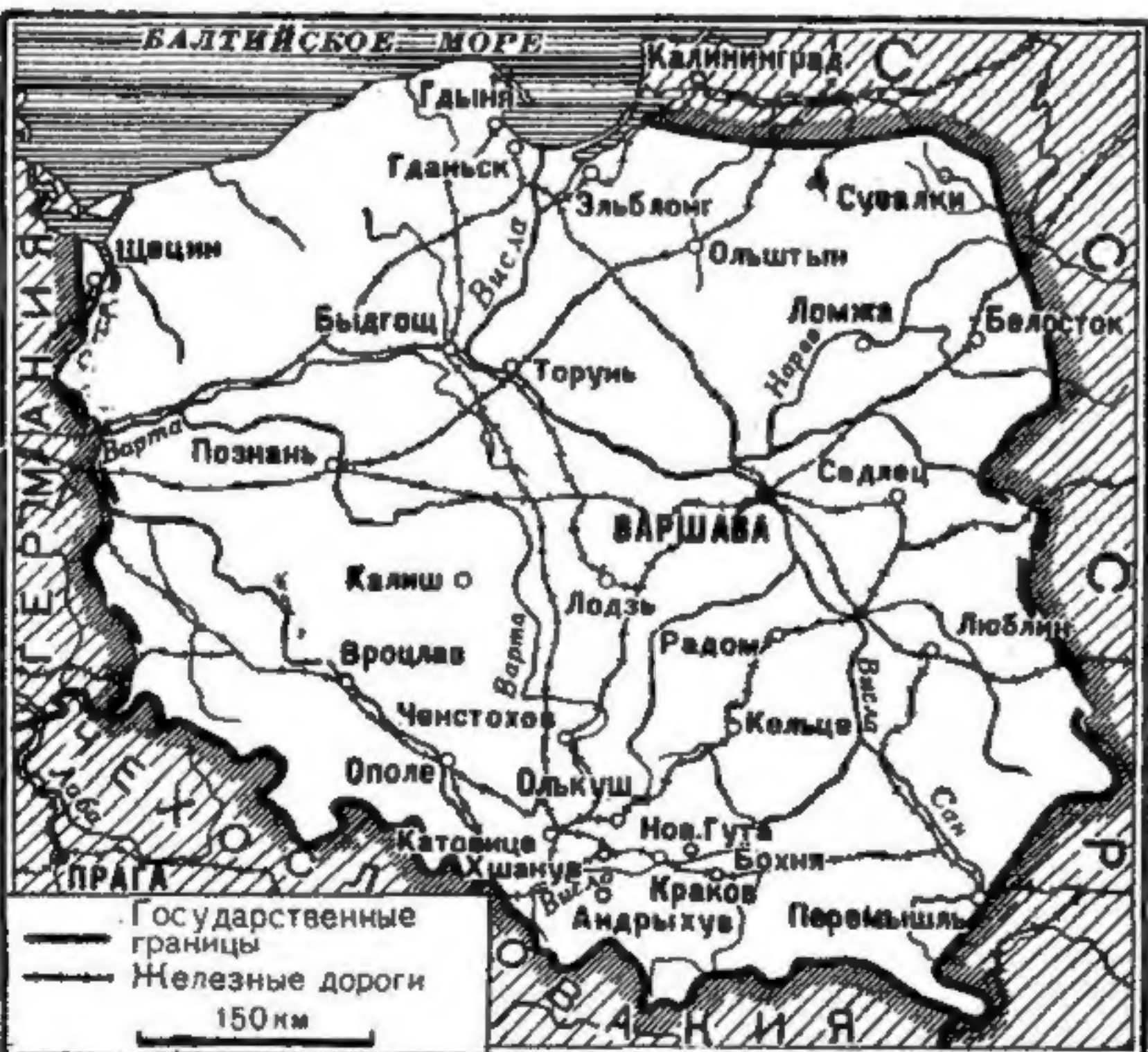
Об этой новой, победоносной красоте народной Польши я думаю сегодня, склоняясь над картой, разложенной на моем столе. Мне не надо обращаться к справочникам, планам или статистике, чтобы живо представить себе весь богатый народ моей родины, присевший ей первым тремя годами нашего шестилетнего плана, строящий свою новую жизнь по примеру и при братской поддержке первого в мире государства победившего социализма.

Вот близкие моему писательскому сер-

дцу земли Краковского воеводства. До войны и в первые послевоенные годы это воеводство относилось к наиболее отсталым районам Польши в экономическом отношении. Главный город воеводства — прекрасный исторический Краков — был чем то вроде огромного музея архитектурных памятников старинных и национальных реликвий. Консерватизм этого города был общеизвестен. Воеводство оставалось бедным и почти совсем не имело промышленности. В подкарпатских селах гнетлились нужда и темнота. Личные промышленности, города не могли предоставить работу безработному сельскому населению, и крестьяне массами эмигрировали в дальние страны либо искали сезонной работы в Германии. Так было до освобождения Польши. Жизнь отсталого воеводства особенно круто повернулась с весны 1950 года. В сельскохозяйственном Краковском уезде было решено построить металлургический комбинат, мощность которого превысит все польское довоенное производство стали, а также социалистический город для строителей и металлургов.

Мне выпала честь наблюдать начало строительства Новой Гуты. Мне показали тогда сложные планы и чертежи и сказали: это — Новая Гута. Вскоре сотни рабочих и крестьян собрались, чтобы скопировать технику на подкарпатских полях, а несколько дней спустя на свежем живом начале рытье первых котлованов под фундаментами цехов и домов. На сел потянулись на строительство вереницы молодых парней...

С той весны минуло немногим более трех

дет. Месяц назад жители Новой Гуты пригласили меня на обсуждение моей книги, в которой я описал начало строительства их города. Новая Гута с ее прекрасными блоками домов уже насчитывает 30 тысяч жителей. Растет и металлургический комбинат. Тот самый инженер, который три года назад показывал мне в Кракове план Новой Гуты, поведал мне по уже действующему сталелитейному цеху. В этом цехе современные электросталелитейные печи обслуживаются квалифицированными мастерами, которые три года назад были еще батраками у кулаков в убогих подкарпатских селах.

Обустройство моей книги состояло в переплетенном зале театра художественной самодеятельности Новой Гуты. Многие из участвовавших в этой дискуссии три года назад вовсе не умели читать.

Все это говорит о том, что значат три года нашей новой жизни.

Новая Гута не исключение. На территории Краковского воеводства намечено широкое строительство химических предприятий Дуэны-Овешин. Это другой важный объект нашего шестилетнего плана. Следует сказать и о новых горно-металлургических заводах в районе Ольшанки и

Хшанова, которые будут давать стране цинк и олово, о предприятия текстильной промышленности в Андриховце, о химических заводах в Бохне, об огромной теплоэлектростанции Явожно-II, а также о заводе электромоторов в Тарнополе.

Эти могучие промышленные стройки полностью изменили лицо отсталого воеводства. «Животная» нужда подкарпатских сел ушла в прошлое. В некоем мертвую тишину уездов вторглись фабричные гудки. Все воеводство полнилось напряженным творческим трудом. В несколько раз возросло количество людей, занятых в промышленности. Многие из них приехали из сел и отсюда переходят в родные дома дух новой жизни, помогают крестьянам все разительней вставать на путь строительства новой деревни. На полях, которые еще три года назад обрабатывались беднейшими методами, работают тракторы сельскохозяйственных производственных кооперативов, выпущенные польским заводом «Урсус».

Одно из наиболее отсталых воеводств на западной окраине Польши стало сейчас крупным центром перестройки промышленности Польской Народной Республики.

А вот другое знакомое и близкое место на карте: Лодзь — город моего детства. Фабричная Лодзь уже перед войной насчитывала много промышленных предприятий. Но это был город тяжелого труда и тяжелой жизни. Немские капиталисты, владельцы лодзинских фабрик, жили в прекрасных дворцах, спиритизированных итальянскими архитекторами, а рабочий люд теснился в отчужденных районах района Бадуты и в других трущобах прехестей. В канавы через рабочие районы текли смрадные, вредные для здоровья человека отходы фабрик. Лодзь, крупнейший промышленный центр довоенной Польши, была лишена канализации. Сыновья лодзинских фабрикантов получали высшее образование за границей. Для сыновей рабочих образование было недоступным. Лодзь — второй по величине польский город — не имела высших учебных заведений.

Не стало этой Лодзи. Сегодня, на четвертом году шестилетнего плана, в городе созданы новые отдаленные промышленные, служащие непосредственному удовлетворению нужд трудящихся. Новые рабочие районы предоставляют жителям удобные и здоровые жилища. В Лодзи существует теперь несколько высших учебных заведений. Успешно осуществляется строительство огромного водопровода, соединяющего город

Гробовщик из «Индустрикурир»

Газета «Индустрикурир» обслуживает промышленных и финансовых магнатов Западной Германии. На ее страницах обычно публикуются валютные бюллетени и биржевые курсы, подробные сведения о конъюнктуре на рынках, экономические прогнозы и политические гороскопы. Однако в № 50 за этот год «Индустрикурир», как видно, решила расширить кругозор своих читателей и опубликовала философский опус под названием «Смерть, как творец». У автора этого сочинения пыльное испанское имя — Хосе Ортега и Гассет.

В трактате Ортега редакция сделала короткое предисловие. В этом предисловии сообщается, что испанский философ «талантлив», «глубокомыслен» и обладает «элегантным стилем». Однако достаточно хотя бы было ознакомиться с его сочинением «Смерть, как творец», как сразу же убеждаешься в том, что Ортега подобен некоторым испанским гиталло, которых описывал в свое время Сервантес. У Ортега нет за душой ровным счетом ничего, кроме длинной фамилии, заманивающей ему плахи, и продажного пера вместо плати...

Основная задача Ортега: внушить читателю, что расставаться с жизнью — это одно удовольствие. По его мнению, всякий исторический прогресс, призванный облегчить жизнь, упаси бог, прокладывает жизнь человека, ведет лишь к... пессимизму и мировой скорби. Подобно всем фашистским философам, Ортега восхваляет средневековье, когда, по его словам, «человеческий дух» был более оптимистичным и здоровым.

«Весьма странно», — заявляет Ортега, — что большинство современных людей желает все, чтобы не умереть». И являющаяся в этом, оказывается, «современная философия», которая представляет в качестве высшего для смерти. Ортега утверждает, что, как только человеческое сердце отрешится от этой современной философии, оно сразу же... научится умирать. «Разве жизнь», — вопрошает Ортега, — не существует, так же как и деньги, только для того, чтобы потратить их в нужное время и с границей?»

Впрочем, здесь следует на время покинуть философа Ортега и вернуться к газете «Индустрикурир». Чем объяснить, что подобные бредни появляются на страницах такой, казалось бы, солидной, деловой газеты?.. Представим себе на минуту кого-либо из издателей, финансистов или постоянных читателей этой газеты. Все это, как уже говорилось выше, — западно-германские бизнесмены. В прошлом они совершали военные преступления во имя своих барышей, а потом прилагали все усилия, чтобы спастись от виселицы и нажиться на подготовке к новой войне. Это люди, которые отнюдь не желают расставаться ни со своими деньгами, ни со своей жизнью.

Было бы нелепо думать, что призывы Ортега обращены к пушечному королю Круппу фон Болену или банкиру Ифферингесу. Имя в виду крупных и перфидных, Ортега специально отговаривается, что есть, мол, люди, которые живут «концентрированной» или «сжатой жизнью». В связи с этим испанский философ делает для них исключение — разрешает им продолжать свое существование, как он выражается, в том же «биологическом темпе». Бредовая болтовня Ортега обращена к трущобникам, к тем, для кого, как он пишет, жизнь — это тяжелое бремя, к тем, кто вынужден, по его же словам, «ограничить свое существование до минимума». Именно им испанский философ рекомендует примириться с мыслью о смерти.

Нетрудно видеть истинную цель замо-

гильных рассуждений философа из «Индустрикурир». «Дорога в смерть», на которую Ортега старается толкнуть западно-германских бедняков, — это военная дорога. Ее, как известно, усиленно мостят сейчас западногерманские промышленники — хозяева «Индустрикурир»... И вот как рекламирует эту дорогу Ортега.

«Более доступная мораль», — пишет он, — должна была отвергнуть тот основной принцип, согласно которому мы должны избегать... опасностей для того, чтобы умереть естественной смертью... Такая высшая мораль, — продолжает Ортега, — должна была бы показать человеку, что он обладает жизнью для того, чтобы подвергнуть ее опасности».

Что же, однако, имеет в виду Ортега под термином «опасности»? Ответ на этот вопрос дает он сам. Ортега прямо заявляет, что надо пересмотреть отрицательную точку зрения на войну и что военный дух ведет к «жизнестверждающему мышлению».

Таким образом, цель всей философии Ортега весьма проста. Испанский философ посылает кадры для западногерманских вербовщиков пушечного мяса. Со страниц «Индустрикурир» ведется своеобразный идеологический «инструктар» этих вербовщиков, вооружающий их философией крайнего пессимизма и неверия в жизнь. «Индустрикурир» печатает мрачный философский ступор «размышлений» Ортега для распыления его с помощью западно-германского аппарата пропаганды среди населения бонского «рейха».

Конечно, «Индустрикурир» понимает, что привлечь жителей Западной Германии философии прославления войны не такое уж простое дело. В писаниях Ортега по этому имеется даже своя программа практических мероприятий. На ближайшее время Ортега предлагает, во-первых, обучать западногерманское население «искусству смерти», а во-вторых, устроить специальные заведения, в которых бы люди «привыкали к смерти».

Все эти туманные формулы расширять также нетрудно. «Искусству смерти» в Западной Германии, очевидно, легче всего будет обучаться в новом реваншистском бонском вермахте, куда торговцы смертью уже набирают рекрутов.

Что же касается специальных заведений для смертников, то и они имеются в Западной Германии в большом количестве. Обезьяна не так давно бонское государство, фактически военный министр Аденауэра Теодор Бланк с удовлетворением заявил, что в Западной Германии «казармы достаточно».

Итак, мы видим, что все, с позволения сказать, «философия» Ортега свелась к старой формуле фашистского режима: «Казармы и безымянные могилы — для бедняков, военные барыши — для богатых».

Пропангандист философа Ортега — это те же самые политики, которые видят в расколе Германии высшую цель своего существования, и хотят превратить Западную Германию в сплошную «братскую могилу» для миллионов безымянных солдат, загнанных в новый вермахт; это те же самые «смертели», которые устраивают фашистские провокации в Германской Демократической Республике, пытаются распространить диктатуру крупных и аденауэров на всю Германию.

Гейне писал, имея в виду фюрерс и ханжеского века: «Тайком они попилали вино, пить воду совету гласно». Фариес середины двадцатого столетия гласно призывают к смерти, тайком жеря на военных поставках!

Л. ЧЕРНАЯ